

К.К. Абаза

Кзаки

Донцы, уральцы, кубанцы, терцы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 93
ББК 63.3

К.К. Абаза

Казачи: Донцы, уральцы, кубанцы, терцы / К.К. Абаза – М.: Книга по Требованию, 2011. – 370 с.

ISBN 978-5-4241-3577-4

Очерк из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе.

ISBN 978-5-4241-3577-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Казачьи юрты и добываніе Азова.

Доросшіе густыми камышами берега «тихаго» Дона, е безчисленные островки, обліе рыбы и дичины, достокъ въ лѣсъ и степи приволье — все влѣстѣ и нило къ себѣ изъ Руси бѣ няковъ, бездомовниковъ, житье на вольное, на 1 щакое. Тутъ всегда была надежда на наживу: въ стоя наслись табуны поганцевъ, по Волгѣ ходили караваны хлѣбомъ, съ солью, съ воинскимъ запасомъ; степью проѣ жали московскіе и турецкіе послы съ богатыми подарками; и конецъ, подъ рукой вѣчно шумѣло синее море, по берегамъ котораго стояли въ красѣ и зелени завитые города: Транзонтъ, Синопъ, Цареградъ, Кафа, Керчь. И подобно тому, какъ пизовьяхъ Дигъпра остью Запорожскаго братства, такъ же и пизовьяхъ Дона скончалась вольница, получившая впоследствіи названіе «великаго войска Донскаго». Неизвѣстно, гдѣ имен поселились первые удалыцы; но когда число ихъ умножилось они укрѣпились въ городкѣ Раздоры, въ 120 верстахъ отъ т репкой крѣпости Азова, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Доне сливается съ Дономъ. Вообще, казачьи городки ставились всег въ укромныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь въ лѣсу или за болотомъ

гровѣ или между густыхъ камышей. Облюбовавъ мѣстечко, или его частоколомъ или плетнемъ, а снаружи присыпали небольшою канавы землю—вотъ и вся защита. Окружная юсть называлась куртомъ. Казацкимъ жильемъ служили ши, а не то землянки. Ничего въ этихъ городкахъ не заманчиваго для хищныхъ сосѣдей; ихъ строили такъ, «не играть на нихъ вражескій глазъ».—«Пускай, говорятъ донцовъ, бусурманы жгутъ наши городки, мы медленю выстроимъ новые, и скорѣе они устанутъ жечь, мы строить новые». Первымъ поселенцамъ случалось ѣсколько мѣсяцевъ скрываться въ степи, по балкамъ, коря одними ягодами да пить изъ лужъ водичу. Многие погибли отъ нужды, многие—въ одиночныхъ схваткахъ. Воль-казацкая дружина росла и крѣпла попомпогу, пока сплелась въ «великое» войско. Земли въ ту пору казаки не пахали, припольная степь служила имъ пашней, а добыча—одиночною жатвою. Въ то время, какъ одни ватаги сторожили ютъ суда, шедшія сверху, другие пробиралась степью къ юнымъ окраинамъ, третья ловила погайскихъ коней, или же шла въ закубинскихъ лѣсахъ. Особенно усилились казаки въ пору, какъ свелась дружба со своими братьями—запорожцами, или, какъ ихъ звали на Дону, черкасами. Запорожцы вали на Донъ въ одиночку, являлись цѣлыми ватагами; указали донцамъ новый, болѣе прибыльный путь для до-—«сннее» море. И стали тогда казаки съ двухъ сторонъ идти въ Крымъ, полошить турецкіе берега. О тѣхъ и другихъ шла по христіанскимъ землямъ слава, какъ объ истыхъ юрлахъ и ненавистникахъ невѣрныхъ. Подобно запорожцамъ, донцы сдѣлались передовою стражей своего отечества: тѣ шли въ Польшу и Украйну, эти—Москву. Московскіе государи, начиная съ Ивана Васильевича, по вѣнчанію Грознаго, поняли казачью силу; они начали ласкаться къ нимъ, награждая ихъ то подарками, то милостивымъ словомъ, а попозже—и царскимъ жалованьемъ. Въ то время, какъ шла казацкая слава, умножалось и богатство донцовъ. Изъ юныхъ, оборванныхъ голышей казаки становились обладателями большихъ сокровищъ; дотолѣ безлюдныя, глухія степи, рыскали лишь волки да перелетали стадами пугливыя

дрофы, покрылись табунами лошадей, стадами скота, оберегаемыми невольниками разных стран и народов. Это были достояние казаковъ.

Однажды пришла на Донъ большая ватага запорожцевъ и осталась здѣсь навсегда, поселившись поближе къ Азову, и также на берегу Дона, среди зарослей густого камыша. Это мѣсто получило названіе Черкасскихъ юртъ, а позже—Черкаскаго городка, или просто Черкаска. Донцамъ припалась п души та беззавѣтная отвага, которою отличались запорожцы. Эти безтрепетные люди, кажется, ничею и никого не боялись, кромѣ Господа Бога да его святыхъ угодниковъ. Зато не полюбилась ихъ разгульная жизнь. Запороженцы ни во что ставили и свою жизнь, и раздобытую кровью конѣйку, тогда как донцы стали домовиты, начали конить про черный донецъ. В Черкасскомъ городѣ шла гулянка съ утра до вечера, съ вечер до утра; въ Раздорахъ—всегда было тихо, даже какъ-то угрюмо. Молодежи это не нравилось, и она стала чаще да чаще наѣзжать своихъ сосѣдей, что повело къ умноженію населенія и скоро казаки совсѣмъ покинули Раздоры. Черкасскъ сдѣлался главнымъ городомъ, населеніе его сближалось съ татарами, греками, особенно по причинѣ частой женитьбы на невольницахъ. Однако буйныя головы не сидѣли на мѣстѣ. Цѣлыми ватагамъ онѣ рыщутъ по бѣлому свѣту, при чемъ удалствомъ и жаждою наживы заводятъ ихъ такъ далеко, какъ, быть можетъ, имъ недумалось. Они покоряють, русскому царю цѣлые народы, пропшкаютъ въ далекія, никому невѣдомыя окраины, и тѣмъ самымъ указываютъ путь мирному переселенію—землепашцу купцу или промышленнику. Такъ, въ концѣ царствованія Ивана Васильевича Грознаго, старшина Качалинской станицы Ермакъ Тимофеевъ, вмѣсто того, чтобъ охранять границу от Астрахани до р. Дона, появился разбойникомъ на Волгѣ. Он навелъ страхъ не только на проѣзжихъ купцовъ, но и на всѣ улусы кочевниковъ, подвластныхъ царю. Движеніе по Волгѣ прекратилось; всѣ пути между Москвой и Астраханью были перехвачены. Послѣ того Ермакъ вышелъ въ море, гдѣ онъ встрѣчалъ заморскихъ пословъ; онъ живо съ ними расправился: суда ихъ потопилъ, а добычу присвоилъ. Грозный царь осудилъ Ермака, съ четырьмя его подручниками, въ томъ числѣ

и Кольцо, на смертную казнь. Тогда казаки, спасаясь от
аго войска, бѣжали на Каму, откуда братья Строгоновы
шли ихъ на завоеваніе Сибири. Выѣсто плахи, Ермакъ
меевичъ прославилъ себя и свою дружину, какъ завое-
и Сибири. Онъ же положить пачало сибирскому казачо-
Другая буйная ватага, потерпѣвъ крушеніе судовъ на
йскомъ морѣ, осѣла въ устьяхъ Терека, откуда ое не
выгнать ни кумыки, ни тавлинцы: это терскіе казаки.
и атаманъ, сказываютъ, Нечай, выбрать для своей дру-
въ 800 человекъ привольныя мѣста по Янку, пыгнѣн-
Уралу, гдѣ обиліе рыбы послужило главною приманкой
чиною обогащенія уральскихъ казаковъ. Какъ на Дону,
же въ Сибири, на Уралѣ и на Торокѣ казаки не сидѣли
о, а искали новыхъ мѣстъ для поселенія, новыхъ путей;
хъ сосѣдей они покоряли, сильныхъ держали въ трепетѣ
ми набѣгами. Правда, эти задирачельства служили помѣ-
добрѣй сосѣдской дружбѣ между Москвою и мусульман-
державами. Жаловался много разъ крымскій ханъ, гро-
турецкій султанъ, наконецъ, стоили русскію украинскію
а, разоренные грабежомъ и пожаромъ. Изъ Москвы ни-
тогда увѣщанія, а подчасъ и угрозы, смотря по вышѣ.
кды царь Михаилъ Федоровичъ прислать такую грамоту:
море на грабежъ не ходите и тѣмъ Намъ съ турками
номъ не ссорите. Послушаетесь, тѣмъ службу свою при-
Намъ покажете... Если же, наче чаянія, и послѣ сою-
му дѣлу съ турками какую поруху учините, опату на
наложимъ, въ Москву для ласки никогда васъ не приго-
ношлемъ на васъ рать, велимъ на мѣсто вашего Раздора
ить свою крѣпость, изгонимъ васъ съ Дона и вмѣстѣ съ
юмъ не позволимъ вамъ воровать, какъ пыгнѣ воруете.
итесь моего гнѣва, съ азовцами неукоснительно помир-
и Доны мало внимали угрозамъ, говоря въ кругу: «Мы
Вѣному царю, но что беремъ саблюю, того не отдаемъ
и». Выѣстъ съ запорожцами они ограбили и сожгли Во-
тъ, убили тамошняго воеводу, въ томъ же году пограбили
ія суда, послѣ чего выжгли Трапезонтъ и Синопъ. Въ
и разъ казаки разорили возлѣ Цареграда монастырь Іоанна
ечи. Султанъ Амуратъ выслать противъ нихъ цѣлую

флотилію, которая захватила семь казачьих струговъ. И допросъ казаки, не убоясь смерти, объявили, что они люди вольные, ходить на войну по своей охотѣ, а царскаго указа на то не имѣютъ. Ихъ предали лютой казни. Черезъ два года казаки уже пытались взять Керчь, но, потерпѣвъ неудачу пограбили окрестности и овладѣли Карасубазаромъ, гдѣ получили значную добычу.

Вскорѣ послѣ того, а именно въ 1636 году, большая ватага, тысячи въ четыре запорожцевъ и украинскихъ казаковъ пробиралась въ Персію, въ надеждѣ тамъ поселиться. На Дону ихъ задержали: «Зачѣмъ вамъ, братья, искать далекаго счастья? Мы имѣемъ запасу довольно, возьмемъ съ вами Азовъ и будемъ свободно ходить и на Синее море, и на Черное море; тамъ въ одинъ походъ мы добудемъ зипуновъ больше, чѣмъ вы соберете въ Персіи за 10 лѣтъ».

Данно стоялъ Азовъ бѣльмомъ въ глазу у казачества. Пока крѣпость находилась въ рукахъ турокъ, они не могли развернуть своихъ крыльевъ. Азовцы горко стерегли морской путь и, какъ увидимъ далѣе, много надо было удачи, еще больша хитрости, чтобъ проскользнуть мимо крѣпости. Овладѣть Азовомъ, стать хозяевами этой твердыни, сдѣлалось заветною думой донцовъ. Они не загадывали о томъ, а счумбуютъ ли удержаться,—имъ лишь бы взять его, и въ этомъ дѣлѣ помогъ казакамъ счастливый случай: запорожцы согласились остаться.

Въ ту же зиму были разосланы по всѣмъ городкамъ повѣстки, чтобы казаки готовились на поискъ, а кто не ливется тому не будетъ ни суда, ни расправы. Ранней весной, какъ только прошла «крыга» (тедѣ), оба берега покрылись конными, въ то время какъ ишіе казаки спускались на стругахъ, посѣщая къ монастырскому городку, въ 7 верстахъ отъ Черкасса, гдѣ обыкновенно собирались для промысла. Составился кругъ. Вышелъ поисковой атаманъ и пригласилъ казаковъ взять Азовъ. «Любо, любо!» отвѣчали, какъ одинъ, тысячи голосовъ. Походнымъ атаманомъ выбрали Михаила Татаринова, и тотчасъ снарядили въ Москву «легкую станицу», т. е. посольство извѣстить царя о выступленіи «всевеликаго» войска Донскаго. Походъ Азовъ. Азовскій паша на этотъ разъ

то проглядѣть; турки безопасно смотрѣли на сборы и готовленія казаковъ. Имъ, конечно, не приходило въ голову, чтобы конное войско, безъ артиллеріи, безъ осаднаго са и инженерной, могло затѣять такое недостаточное дѣло, приступить къ крѣпости, окруженной высокими каменными стѣнами и башнями, вооруженной пушками, защищаемой брѣвѣйшей турецкою пѣхотою! Казаки надѣялись взять Азовъ легкимъ нападеніемъ, почему держали свое намѣреніе въ тайнѣ; къ несчастію, въ это самое время имъ довелось принять турецкаго посла, который гостилъ у нихъ проводомъ въ кѣву. Хитрый грекъ, Ома Кантакюзенъ, подарилъ старинными золотомъ шнунгами, обласкать остальныхъ казаковъ въ званомъ пиру, когда развязались языки, съумѣвъ вынуть тайный умыселъ. Зорко стерегли казаки всѣ пути, однако кантакюзенъ и тутъ ихъ перехитрилъ, переславши нашихъ грабителей въ крѣпости началъ суета, установка орудій, сборъ итншковыхъ — увидѣли тогда казаки, что они обмануты. Посольство задержалъ; въ день побѣдоносца Георгія, послѣ молебна, кнѣзь сѣбно выступили всѣмъ войскомъ подъ Азовъ, имѣя съ собою только четыре фальконета.

Крѣпость приготовилась къ защитѣ. На высокихъ ея стѣнахъ уже стояло 4 тысячи янычаръ; топчиги, или артиллеристы, держали въ зажженныхъ фитиляхъ у своихъ длинныхъ, выщипанныхъ пушекъ. Казаки нисколько не смутились. Отвѣтъ Татариновъ прежде всего распорядился занять устье Азова, а также всѣ пути, ведущіе къ Азову — изъ Крыма, съ юга, отъ Ногаевъ; послѣ того, какъ крѣпость была обложена, казаки повели къ ней подступы. Между ними находился и тотъ нѣмецъ Іоаннъ. Онъ взялся подорвать стѣну при помощи подкопа. Послѣ долгой и трудной съ непривычки работы, нѣмецъ вдругъ объявить, что онъ ошибся. Заложилъ ии подкопъ, а, между прочимъ, окрестности казацкаго табора покрылись татарскими наѣздниками: то была помощь крѣпостнымъ туркамъ. Степь оживилась, началась перестрѣлка; съ южныхъ сторонъ ежедневно выѣзжали одиночные всадники извѣщать свою удалъ. Вскорѣ и это наскучило. Запорожцы, выжидавшіе вершинъ своихъ дѣла сразу, налетомъ, стали роптать. Имъ нагъ ними смѣялись: «Сколько полтъ Азовомъ ни стоять.

а его какъ своихъ ушей вамъ не видать!» кричали они со стѣны. Но стерпѣли казаки, ринулись на приступъ. Однако ихъ отбили. Но имѣя артиллерію, не зная правилъ осадной войны, казаки понадѣлись на счастливый случай; теперь извѣдавъ неудачу, стали падать духомъ; особенно бранились запорожцы. Дѣйствительно, конца осады не предвидѣлось. Въ это самое время казачьими разбѣдами удалось перехватить грамоты турецкаго посла, въ которыхъ онъ подробно доносилъ о дѣйствіяхъ Азова и просилъ у султана помощи. Гонца, по обычаю того времени, пытали. Онъ показывалъ на толмача, что вся бѣда идетъ отъ него, что онъ чародѣй и заклинаетъ христіанскому войску худой конецъ. Разъяреннѣйшіе казаки убили Каптакузена, какъ Іуду предателя, и утопили его толмача, какъ лихого колдуна. Чтобы очистить лагерь отъ волшебныхъ чаръ, они отслужили торжественное молебствіе, окропили святой водой таборъ—и успокоились. На третьемъ мѣсяцѣ осады смысленный пѣмецъ довелъ свое дѣло до конца. Подкопъ былъ готовъ. 19 іюля, на разсвѣтѣ, казаки, выслушавъ молебенъ защитнику Азова Іоанну Крестителю, раздѣлились по отрядамъ и двинулись съ разныхъ сторонъ на приступъ. Къ полудню вся крѣпостная стѣна была въ жестокомъ огнѣ; пушки не умолкая гремѣли, огромныя каменные ядра взрывали землю; сквозь облака пыли и густого бѣлаго дыма сумрачно глядѣло багровое солнце. Тамъ, наверху, между зубцами каменной стѣны, янычары, въ упоеніи побѣды, выкрикивали позорную браваду, а внизу съ шумными криками надвигались съ разныхъ сторонъ казачьи дружины... Вдругъ, какъ «молнія великая», сверкнувъ подъ стѣною огнемъ, потомъ что-то треснуло, взлетѣли глыбы земли, камней—часть стѣны обрушилась. Дружно гикнули тогда отборныя сотни, засѣвшія въ своемъ укрѣпленіи напротивъ подкопа, и, какъ одинъ человѣкъ, подъ начальствомъ самого атамана, ринулись на проломъ. Это были отважнѣйшіе изъ отважныхъ, «рыцари-казаки», какъ они себя величали. Разсѣянные по всей стѣнѣ, обманутые ложными атаками, турки не оказали имъ сопротивленія. Все поле покрылось бѣгущими азовцами, но лишь немногимъ счастливцамъ удалось избѣжать кровавой мести за насмѣшки, за погибшихъ братьевъ, за томленія долгой осадой. Башни и крѣпкій замокъ продержались

для три или четыре, пока противъ нихъ не направили
сикія же пушки; затѣмъ ни одного турка не осталось въ Азовѣ.
Нѣкогда богатый генуэзскій городъ, Азовъ запустѣлъ подѣ
стью турокъ. Его прекрасныя зданія почернѣли отъ вѣро-
и, полуразрушились; христіанскія церкви были обращены
мечети, по пустымъ улицамъ и площадямъ бродили тысячи
одныхъ собакъ. Очистивъ городъ отъ труповъ, казаки
зновати повоселѣе. Пируя на площадяхъ, подѣ открытымъ
мъ, они похвалялись, что достали Азовъ «своимъ разу-
мъ и дородствомъ», что, раззоривши гнѣздо невѣрныхъ,
добыли отъ нихъ христіанскую землю. Всю доставшуюся
мчу снесли въ одно мѣсто и поровну раздѣлили; драго-
ныя же парчи и сосуды были отправлены въ монастыри,
гдѣ тамъ молились за упокой убитыхъ и зданіе живыхъ.
рую церковь Іоанна Крестителя казаки освятили вновь,
мъ приступили къ сооруженію новой, во имя св. Нико-
Чудотворца. Азовъ былъ объявленъ вольнымъ христіан-
мъ городомъ; вскорѣ явились сюда купцы изъ Кафы, Керчи,
ани; открылась торговля, христіанское населеніе спѣшило
разныхъ концовъ занимать пустые турецкіе дома. Казаки,
накомые дотогѣ съ порядками городской жизни, зажили
пѣваючи.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, хотя и попенялъ казакамъ за
овольную расправу съ турецкимъ посломъ, однако не ли-
лъ ихъ своихъ обычныхъ милостей. Когда же явился въ
жву новый посолъ отъ султана, царь отвѣтствовалъ, что
ики вольные люди, воюють на свой страхъ, а если сул-
ь захочетъ, то можетъ и самъ ихъ унять. Русское государ-
и лишь незадолго передъ тѣмъ страхнуло самозванцевъ;
едва успокоилось отъ безначалія и смуты, почему не
ло ни силъ, ни охоты начинать изъ-за отдаленной крѣпости
ну съ грозными силами турокъ. Въ ту пору турки были
ественны, сильны и страшны для всей Европы. Борьба съ
и являлась подѣ силу лишь однимъ казакамъ— дерзкимъ,
ротливымъ, пападавшимъ врасплохъ, исчезающимъ какъ
рь. Такая война утомительна: она истощаетъ силы, вѣчно
мытъ врага въ страхъ. Въ открытомъ же бою турки со
ими янычарами и спагами, т. е. коннымъ войскомъ, были

непобѣдимы. Конечно, они не могли оставить Азовъ въ рукахъ казаковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе безпрятственно проходили теперь въ Черное море, берега котораго огласились страшными воплями ограбленныхъ и замученныхъ жертвъ. Султанъ былъ занятъ войной въ Персіи, потому онъ умеръ, и такимъ образомъ прошло три года, прежде чѣмъ турки подступили къ Азову. Зато они располагали громадными силами, точно собрались на завоеваніе дѣлой страны. Говорили, что въ осадномъ корпусѣ находилось 6 тыс. наемныхъ мастеровъ изъ разныхъ земель—для веденія подкоповъ, сниманія плановъ, постройки укрѣпленій, мостовъ и т. п.; главную же боевую силу составляли 20 тыс. янычаръ, столько же спаговъ, 40 тыс. татаръ да черкесовъ, а всего около ста тысячъ. Въ началѣ іюня 1641 года вошелъ въ устье Дона турецкій флотъ и выгрузилъ осадную артиллерію: тутъ было болѣе ста пушекъ проломныхъ, 70 мелкихъ съ мортирами, великое число снарядовъ, изобиліе пороху. Черезъ 2 недѣли Азовъ былъ обложенъ отъ рѣки до моря, на протяженіи 40 верстъ. Казаки сѣли въ осаду. Ихъ было всего около семи тысячъ, правда, самыхъ безстрашныхъ, готовыхъ на все. Въ первый же день явилось въ крѣпость трое пословъ отъ трехъ турецкихъ военачальниковъ: отъ сераскира Гуссейна, отъ крымскаго хана и янычарскаго аги—съ предложеніемъ сдать крѣпость и получить за то 40 тысячъ червонныхъ. «Все равно, говорили послы, вамъ, казакамъ, никакъ не извернуться; вы здѣсь какъ въ западнѣ. Бѣлый царь отъ васъ отказался, помощи себѣ изъ Москвы не чайте». Войсковой атаманъ Петровъ отвѣчалъ за всѣхъ: «сами волею своею взяли мы Азовъ, сами и отстаивать его будемъ; помощи кромѣ Бога ни отъ кого не ожидаемъ, прельщеній вашихъ не слушаемъ и не словами, а саблями готовы принять васъ, незваныхъ гостей!» На другой же день 30 тыс. лучшихъ турецкихъ войскъ, прикрывшись шюземцами, бросились на приступъ; они потеряли 6 тыс. и со стыдомъ отступили. Сераскиръ заключилъ на два дня перемиріе при чемъ платилъ тѣмъ же казакамъ за cadaго убитаго мусульманина по червонцу.—Такъ началась достопамятная защита Азова, напоминающая столь же доблестную защиту христіанскими рыцарями города Родоса. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сражались братья-

ины, исконные враги мусульманъ, сражались въ маломъ исѣ, но съ такою стойкостью, съ такимъ мужествомъ, что являли въ удивленіе весь христіанскій міръ. И если начать сравнивать, кому приходилось горше, то, конечно, казакамъ, потому что за рыцарями уже тогда утвердилась вѣковая слава къ доблестей: они были богаты, хорошо вооружены, имѣли личное, приспособленное къ воинскому дѣлу, устройство; наконецъ, за ихъ борьбой участливо слѣдила вся христіанская Европа, тогда какъ казаки были на далекой окраинѣ Московскаго государства; многіе и не вѣдали, что они были за люди.

Турки насыпали вокругъ крѣпости высокій валъ; казаки дѣлали вылазку, взяли этотъ валъ, подорвали его и прогнали неприятеля. Тогда турки позади перваго вала насыпали другой, на высоты стѣнъ, втащили болѣе сотни орудій, послѣ чего открыли безостановочную пальбу, продолжавшуюся 16 дней одъ-рядъ. Крѣпостныя стѣны были сбиты до основанія. Казаки на своей защитѣ устроили вторую линію обороны; по разрушеніи ея— третью и наконецъ— четвертую. Тамъ, сидя въ землянкахъ, они продержались до конца осады. Но они не ждали, пока появятся на валахъ турецкіе бунчуки, а шли австрѣчу неприятеля подкопами; послѣ каждаго взрыва очередная сотня кидалась на вылазку, побивала оглушенныхъ враговъ, пока поспѣвала къ нимъ помощь. Турецкіе подкопы всегда натыкались на подземныя работы казаковъ, и тутъ ослѣдніе брали верхъ, потому что заранѣе готовились къ стрѣлѣ. Сераскиръ, видя безуспѣшность бомбардировки, сталъ жадно посылать войска на приступъ. Всегда готовые и къ тому, казаки встрѣчали турокъ мѣткими пулями, потомъ кидались въ сабли, рубились, не уступали ни шагу; во время приступовъ атаманъ зорко слѣдилъ, не ослабѣла ли гдѣ защита, и посылалъ туда немедленно помощь. Въ самомъ пылу боя появлялись на облитыхъ кровью валахъ казацкія жены; онѣ подавали помощь раненымъ, кормили голодныхъ мужей, подносили бойцамъ оружіе, порохъ; онѣ же копали подъ выстрѣлами рвы, таскали на валы землю; въ послѣднюю минуту казаки залили горячую смолу и кипятокъ на головы штурмующихъ. Болѣе трехъ недѣль турки штурмовали ежедневно— и покинули. Они потеряли почти половину пѣхоты, кавалеріи.